

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРОЛОГИИ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

Концепт «пути» в поэзии Марины Цветаевой

И. Ю. БЕЛЯКОВА

(МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

В статье исследуется концептуальное поле «путь» в поэтическом идиолекте М. Цветаевой. Путь относится к универсалиям мировой культуры. Основная интенция Цветаевой — освобождение от пространственно-временных рамок, от рамки тела, выход из-под власти тотальной детерминированности — осуществляется в ее собственном завершении пути жизни.

Ключевые слова: путь: горизонтальный, вертикальный, цель; концепт, семантическое поле; путь комет, развоплощение.

Concept 'put' in Marina Tsvetaeva's poetry

I. YU. BELYAKOVA

(MOSCOW STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY)

Abstract: The conceptual field of «Put» in Tsvetaeva's poetical idiolect is analysed in this article. «Put» is one of the universals of culture. The main intention of Tsvetaeva which is freeing of time and space, freeing of body, freeing of total determinacy is realized in her own life path's end.

Keywords: Way: horizontal, vertical, purpose; concept, semantic field; comet's way, loss of body.

Концепт пути относится к универсалиям мировой культуры. По словам В. Н. Топорова, в мифопоэтических представлениях центр и путь являются основными элементами пространства (Топоров, 1983: 228–229). Концепт пути играет важную роль в структуре понятийной и языковой картины мира в пространственно-временном аспекте. Феномен, названный М. М. Бахтиным *хронотопом*, зиждется на конвергенции, взаимо-

проникновении пространства и времени, когда «время сгущается и становится формой пространства... его новым («четвертым») измерением. Пространство же, напротив, «заражается» внутренне-интенсивными свойствами времени («темпорализация» пространства), втягивается в его движение, становится неотъемлемо укорененным в разворачивающемся во времени мифе, сюжете (т. е. в тексте). Все, что случается или может

* Белякова Ирина Юрьевна — кандидат филологических наук, заместитель директора по науке культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой», докторант кафедры русского языка филологического факультета Московского педагогического государственного университета. Тел. (495) 373-12-17, 8-916-748-36-10. Эл. адрес: irina.belyakova@gmail.com

случиться в мире мифопоэтического сознания, не только определяется хронотопом, но и хронотопично по существу, по своим истокам» (Топоров, 1983: 231).

Квинтэссенцией пространства является *путь*, собственно, само пространство может определяться через совокупность путей, в нем находящихся.

Путь может пролагаться горизонтально и вертикально, в первом случае — это путь по земле (к сакральному центру или, наоборот, от центра в сторону периферии)¹, во втором — это путь в Верхний или Нижний мир. «Естественно, что путь вверх и вниз описывается, как правило, тем подробнее, чем дифференцированнее структура Верхнего и Нижнего миров и чем богаче мифологическим содержанием разные зоны этих миров <...>. Следует при этом помнить, что только мифологический персонаж или служитель культа... исключительных качеств способны совершить вертикальный путь вверх или вниз, т. е. «пройти» всю Вселенную по вертикали, тогда как «прохождение» мира по горизонтали, как правило, просто связано с принадлежностью к классу героев, подвижников или к особому состоянию (например, участие в ритуале, в паломничестве и т. п.). Отсюда и различие: простой смертный может реально вступить на горизонтальный путь и при особых усилиях проделать его, но вертикальный путь может быть проделан лишь фигурально — его душой» (Топоров, 1983: 260).

Еще один важный параметр пути — целеполагание, телеологическая перспектива. Целью пути может быть обретение сакральных ценностей; если речь идет о Нижнем мире — это может быть возвращение к жизни умершего («Орфей и Эвридика»), что не всегда увенчивается успехом. Путь может быть самоцелью, когда ценность и цель пути — в нем самом (это распространено на Руси странничество, скитальчество — концентрический путь, круговой, связанный со святостью: либо посещение святых мест (паломничество), либо странничество подвижника, святого, а также с нищенством; есть еще

бродяжничество, не связанное со святостью, а тяготеющее, скорее, к криминализованной сфере). Схема пути включает начальную и конечную точку, и последняя также может пониматься как цель пути.

Кроме того, путь может быть прямым или извилистым, кривым (связь с «правдой — кривдой» в мифопоэтическом сознании); широким или узким (торная дорога, нехоженные тропы, широкими вратами и т. д.). Вхождение в структуру хронотопа определяет множество символических значений понятия и слова «путь», в первую очередь «жизненный путь». Мифологема пути выступает метафорическим обозначением линии поведения (праведный — неправедный путь, непутевый, беспутный и т. д.), религии (Иисус как персонифицированный путь: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Иоанн XIV: 5–6)), судьбы, предназначения («Белая гвардия, путь твой высок: Черному дулу — грудь и висок» — М. Цветаева²) и т. д.

Выделенные типологические характеристики³ концепта «путь» не единственные, но конституирующие. Попробуем рассмотреть концепт пути в поэзии Марины Цветаевой в ракурсе предложенной типологии.

Семантическое поле пути у Цветаевой является достаточно развитым и разветвленным. Оно включает такие единицы, как *путь, дорога, стезя, тропа, тропинка, тропиночка, стежка; путешествие; пешеход, *пешехожий; странствовать, странник, странница, страннические (ноги), странноприимный дом* (о Москве); *скитаться, скитание, скиталец, путник, путеводители (старух, сирот — об ангелах), вожатый (!); спутник, спутница, спутнический (ремень), бродить, бродяга, бродячий, бродяч (нрав); подорожная; беспутный, непутевый, распутица, попутный (ветер), раздорный (столб)* и некоторые другие.

Рассмотрим горизонтальные «земные» пути. Путь в значении «дорога»: *Прозвенел кремнистый путь Под усердную ногою; Нетоптанный путь Непутевый огонь — Ох, Родина-Русь, Неподкованный конь!*; в про-

цессуальном значении, «путешествие»: *Скоро в ночи тебе путь неожиданный; Ты отойдешь — с первыми тучами, Будет твой путь — лесами дремучими, песками горючими*⁴ (не забудем и о связи «путь — смерть»); *Длинный, длинный, длинный, длинный Путь — три года на ногах*; «маршрут»: *Мой путь не лежит мимо дому — твоего. Мой путь не лежит мимо дому — ничего*; в синкретичном значении: *Ночь гонится — а путь таков: Кровь в жилах сжата*; в метафорическом значении: — *Ты и путь и цель, Ты и след и дом; Афродита! Путь и цель* (реплика Ариадны из одноименной трагедии); *Две правды — два пути — две силы — Две бездны: Данте и Бодлер!*; *О путях твоих пытаться не буду, Милая! — ведь все сбылось* (Христос — Магдалине; цикл «Магдалина»), Вахк. *То ж, что море в сетях Несть — у женщины спрашивать О правах и путях* («Ариадна»). Горизонтальные пути пролегают не только по земле, но и по воде: *Атлантический путь тихий; Синее водный путь*, и над землей, по воздуху.

Цветаевой, как представляется, в горизонтальных земных путях ближе тип концептуального пути, являющегося самоцелью. Это странничество (включающее и значение паломничества, и коннотативный смысл «нищенство»). Особенно этот мотив увлекает ее в 1916 г. — в русле фольклорной стихии, повлиявшей в тот период на цветаевскую поэтику («Версты-1»): *Небесным странником — мне — страннице Предстал — ты; Братья, один нам путь прямохожий*⁵ *Под небом тянется. ...я тоже Бедная странница...; Всюду бегут дороги, По лесу, по пустыне, В ранний и поздний час. Люди по ним ходят, Ходят по ним дроги, В ранний и поздний час. Топчут песок и глину Страннические ноги, Топчут кремень и грязь...; Зверю — берлога, Страннику — дорога, Мертвому — дроги, Каждому — свое; Мать с дочерью идем — две странницы; Две птицы: чуть встали — поем. Две странницы: кормимся миром и т. д.*

Путь связан с концептом дома. Вместе с мотивами странничества, бродяжничества

появляется у Цветаевой и мотив бездомности. И обусловлено это не столько даже внешними обстоятельствами жизни, сколько сменой поэтики. Начиная с 1916 г. (сборник «Версты-1») стихи М. Цветаевой демонстрируют тематическую и дискурсивную разнонаправленность, дробление «я»-субъекта на роли и лики, экспансию в область фольклора, расширение поэтического словаря за счет стилистически маркированных средств (разговорная лексика, городское и сельское просторечие). И здесь же появляются мотивы кочевья, связанные с цыганской темой. Дом в Трехпрудном, воспетый в ранних цветаевских сборниках «Вечерний альбом» и «Волшебный фонарь», остался в прошлом. В это время частотным становится глагол «бродить», показательное соединение глагола *брожу* с лексемой *дом* в более позднем контексте «Брожу — не дом же плотничать...» (1923). Начало 20-х годов отмечается вектором движения от дома: *Вечно — из дому, Век — мимо дома, От любезного — в лес, К дорожному*; устремленностью к другому дому — небесному: *И домой: В неземной — Да мой* («Терпеливо, как щепень бьют...», 1923), *До-мой: В огонь синь* («Молодец»). (О «доме» у Цветаевой см.: Дацкевич, Гаспаров, 1992: 116–130).

Путь преодолевается в основном пешком (известна любовь Цветаевой именно к такому способу передвижения, к многочасовым пешим прогулкам: *Исходи пешком — молодым шажком! — Все привольное Семихолмие*; обращено к дочери, «Стихи о Москве»), вспомним и ее «Оду пешему ходу»: *Пешеходы! Держитесь — Ног, как праотцы — рук*. Но в арсенале средств передвижения есть поезд (*О нет, не любовь, не страсть, Ты поезд, которым еду в Бессмертье...;* о поэте: *Тот поезд, на который все Опаздывают...;* «Поезд жизни»), а также автобус (поэма «Автобус»).

Конечная точка пути (которая может являться его целью) определяется метафорически как выход за пределы не просто пространства, а именно хронотопа, за пределы «здесь и сейчас»: *В завтра путь держу; точ-*

но Не за город тот дударь Нас мчал, а за календарь («Автобус»), Здесь нельзя. Увези меня за Горизонт («Крысолов»), и более того — за пределы тела:

Древняя тщета течет по жилам,
Древняя мечта: уехать с милым!

К Нилу! (Не на грудь хотим, а в грудь!)
К Нилу — иль еще куда-нибудь

Дальше! За предельные пределы
Станций! Понимаешь, что из тела

Вон — хочу! (В час тупящихся вежд
Разве выступаем — из одежд?)

...За потустороннюю границу:
К Стиксу!..

(1923)

По сути, это путь развоплощения, освобождения духа, и такие «координаты» логически ведут ко второму типу пути — вертикальному. Это сквозная тема Цветаевой, вершина здесь, конечно, «Поэма Воздуха», где подробно описывается опыт вознесения через семь небес. Но сюжет вознесения (вертикального пути) появился раньше, в самом начале 20-х годов, в цикле фольклорных поэм Цветаевой («Царь-Девушка», 1920, «Переулочки», 1922, «Молодец», 1922) и в поэме «На Красном коне» (1921). Исследователями выявлен ряд объединяющих названные поэмы признаков:

1) наличие «высшей силы» — «героя, принадлежащего к иному, неподвластному земным законам, миру» (Жоркина, 1994: 5). Это Царь-Девушка (в одноименной поэме), Ведунья-Чернокнижница в «Переулочках», Упырь в «Молодце» и Всадник в поэме «На Красном коне»;

2) также наличествуют «земные» герои, составляющие пару с вышеназванными;

3) стержнем сюжета является стремление к союзу с высшей силой;

4) во всех поэмах — «сюжет разрешается сходными апофеозами — чаемым, мнимым или «реальным» вознесением героев в «лазоре»/«огнь-синь»» (Жоркина, 1994: 5).

В поэме «На Красном коне» сначала очерчивается путь горизонтальный — за Всадником, гением, кульминация этого пути — въезд конного в алтарь, что, вообще говоря, является страшным кощунством:

На помощь, с мечом и громом,
Всех Воинств Царь! —
Но прядает конь — и громом
Взгрел в алтарь! <...>

Как рокот Сорокоуста,
Метель взмелась:
Престол опрокинут! — Пусто!
Как в землю сгас!

Стоните, стоните, стены!
Метель, ярьсь!
Померкло от конской пены
Сиянье риз.

Известно, что алтарная преграда является границей между двумя мирами, высшим божественным и видимым человеческим. Парадоксальным образом высшая сила, имеющая явно демоническую природу, оказывается вожатым, проводником на пути вверх, а не вниз, в то время как в поэме «Крысолов» дети, уводимые под воду, т. е. вниз, оказываются в «Детском раю», привычно ассоциируемом с верхом.

Фигура Вожатого, психопомпа, «водителя души» чрезвычайно важна для Цветаевой⁶. Вот как она пишет о своей первой встрече с Вожатым — Пугачевым в эссе «Пушкин и Пугачев»:

Вожатого я ждала всю жизнь, всю свою огромную семилетнюю жизнь.

Это было то, что ждет нас на каждом повороте дороги и коридора, из-за каждого куста леса и каждого угла улицы, — чудо — в которое ребенок и поэт попадают как домой, то единственное домой, нам данное и за которое мы отдаем — все родные дома! (Цветаева 1994–1995: V, 498).

В «Поэме Воздуха» роль Вожатого отведена Рильке. Однако в начале поэмы психопомп исчезает, и далее следует одинокий путь через семь небес, последовательно описанный Цветаевой. «Последний этап описа-

ния (но не пути!) — небесная твердь. Душа не переступает ее границы, «воздушные мытарства» кончаются смертью души, дальнейший путь, продолжающийся и за границы поэмы, удел духа» (Коркина, 1994: 8). И этот путь духа — поэтов путь, синтезирующий все виды путей, главный цветаевский путь, схему и координаты которого она «реконструировала» в первом стихотворении из цикла «Поэты»:

Поэт — издалека заводит речь.
Поэта — далеко заводит речь.

Планетами, приметами... окольных
Притч рывинами... Между да и нет
Он — даже размахнувшись с колокольни,
Крюк выморочит... Ибо путь комет —

Поэтов путь. Развеянные звенья
Причинности — вот связь его! Кверху лбом —
Отчаетесь! Поэтовы затменья
Не предугаданы календарем. <...>

Тот, чьи следы — всегда простыли,
Тот поезд, на который все
Опаздывают...
— ибо путь комет

Поэтов путь: жжя, а не согревая.
Рвя, а не возвращая — взрыв и взлом —
Твоя стезя, гривастая кривая,
Не предугадана календарем!

8 апреля 1923 г.

Анализ этого стихотворения произведен О. Г. Ревзиной в аспекте поэтики семантического признака (Ревзина, 1988). Мы же отметим синтезирующий характер пути поэта: он осуществляется и в земном, и в космическом пространстве, и в горизонтальной, и в вертикальной протяженности. Но это не путь наверх, как он прочерчен в поэмах, это совершенно особый, непредсказуемый и феерический путь комет. При этом происходит желанный и чаемый выход за хронотопические рамки: путь поэта не только непредсказуем в пространственных координатах, его стезя не вписывается и в календарные рамки, обгоняя самое время и взрывая объективную действительность (*Развеянные звенья При-*

чинности — вот связь его). Поэт одновременно и субъект этого движения, и средство — *Тот поезд, на который все опаздывают...* При этом комета — достаточно редкое явление, предвещающее, по поверьям, глобальные катастрофы (вспомним хотя бы знаменитое вино кометы — вино урожая 1811 г., изготовленное накануне Отечественной войны 1812 г.). И этот разрушительный потенциал несет в себе и поэт, одновременно выполняя профетическую (т. е. пророческую) функцию. Поэт носитель, субъект речи и одновременно находится в ее власти (*Поэта — далеко заводит речь*), речь — вот главный Жожатый поэта. Знание поэта имеет магический характер, дорациональный (*приметы, окольных притч рывины*), и в то же время это знание претендует на статус если не абсолюта, то, по крайней мере, альтернативы научному знанию (*Канта на голову бьет*).

Этот парадоксалистский текст является результатом цветаевской рефлексии на тему ее собственного предназначения, жизненного пути и поэтического призвания. Думается, Цветаевой удалось найти новую поэтическую форму для традиционной темы «Поэт и поэзия» — форму, адекватную ее собственным представлениям о пути поэта.

В 30-е годы происходит обращение Цветаевой к прозе, рефлексия по поводу начала жизненного пути (она пишет много биографической прозы о детстве), одновременно — по поводу собственного поэтического дара и его развития. Также появляется эпитафическая проза, посвященная уходу Волошина, Белого, Брюсова, т. е. проза собственно о завершении жизненного пути.

Основная интенция Цветаевой — освобождение от пространственно-временных рамок, от рамки тела, выход из-под власти тотальной детерминированности — осуществляется в ее собственном завершении пути жизни.

¹ «При незакрепленности начала и конца пути они скрепляются именно самим путем и являются его функцией, его внутренним

смыслом. Через них путь осуществляет свою установку на роль медиатора: он нейтрализует противопоставления этого и того, своего и чужого, внутреннего и внешнего, близкого и далекого, дома и леса, «культурного» и «природного», видимого и невидимого, сакрального и профанического (или градуально: сакрального — менее сакрального). Отмеченность начала и конца пути как двух крайних точек-состояний, пределов выражается и предметно (дом — храм и или дом — иное царство и т. п.), и персонажно (достигший конца пути всегда обладает более высоким статусом, чем он же в начале пути)» (Топоров, 1983: 259).

² Все цитаты из стихотворных произведений М. Цветаевой даются по изданию: Цветаева, 1994-1995: I-III.

³ Названные признаки выделены в опоре на цитируемую выше статью В. Н. Топорова.

⁴ Здесь несомненна связь с обрядовым фольклором, в частности с причитаниями: «Уж ты пойдешь, сердечно дитятко, Пойдешь по тем путям-дороженькам, По лесам да по дремучим, По болотам по седучим...» (Чистяков, 1982: 119).

⁵ Окказионализм Цветаевой. По модели «прямоезжий», ср. в былинах: «прямоезжая дорожка заколодела, заколодела дорожка, замуравела».

⁶ Эта тема, которая не оставляла Цветаеву на протяжении всей жизни, впервые появляется в ранних сборниках — в стихах, посвященных Эллису, — и в поэме «Чародей» (Белякова, 2002: 125-134). В этом смысле Эллис является предтечей Всадника из поэмы «На

Красном коне», Молодца, Крысолова, Рильке («Новогоднее»), психопомпа из «Поэмы Воздуха», Пугачева (эссе «Пушкин и Пугачев»). Существуют у Цветаевой и женские персонализации «водителя души»: Царь-Девича, Ведунья («Переулочки»), Певича (неоконченная поэма «Певича»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белякова, И. Ю. (2002) Неизвестный акростих М. Цветаевой // На путях к постижению Марины Цветаевой : Девятая цветаевская международная научно-тематическая конференция (9–12 октября 2001 г.) : сб. докладов. М. : Дом-музей Марины Цветаевой.

Дацкевич, Н. Г., Гаспаров, М. Л. (1992) Тема дома в поэзии Марины Цветаевой // Здесь и теперь. № 2.

Коркина, Е. Б. (1994) Поэтическая трилогия Марины Цветаевой (Вместо предисловия) // Цветаева М. Поэмы: 1920–1927 / вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Е. Б. Коркиной. СПб. : Абрис.

Ревзина, О. Г. (1988) Семантическое представление и семантическое толкование поэтического текста // Semiotics and the history of culture. In honor of Juri Lotman. Studies in Russian. Columbus : Ohio Univ. Press.

Топоров, В. Н. (1983) Пространство и текст Текст: семантика и структура. М. : Наука.

Цветаева, М. И. (1994–1995) Собр. соч. : в 7 т. М. : Эллис Лак.

Чистяков, В. А. (1982) Представления о дороге в загробный мир в русских похоронных причитаниях XIX–XX вв. Обряд и обрядовый фольклор. М. : Наука.

Из хроники научной жизни

Июнь 2008 г. В Московской гуманитарном университете на базе Института гуманитарных исследований создан Институт фундаментальных и прикладных исследований, в составе которого работают Центр университетского образования, Центр биоэтики, Центр теории и истории культуры, Центр социологии молодежи, Центр социологии культуры, Центр русских исследований, Центр русской филологии, Центр исторических исследований, Математический центр компьютерных технологий и моделирования, Лаборатория личностного роста.